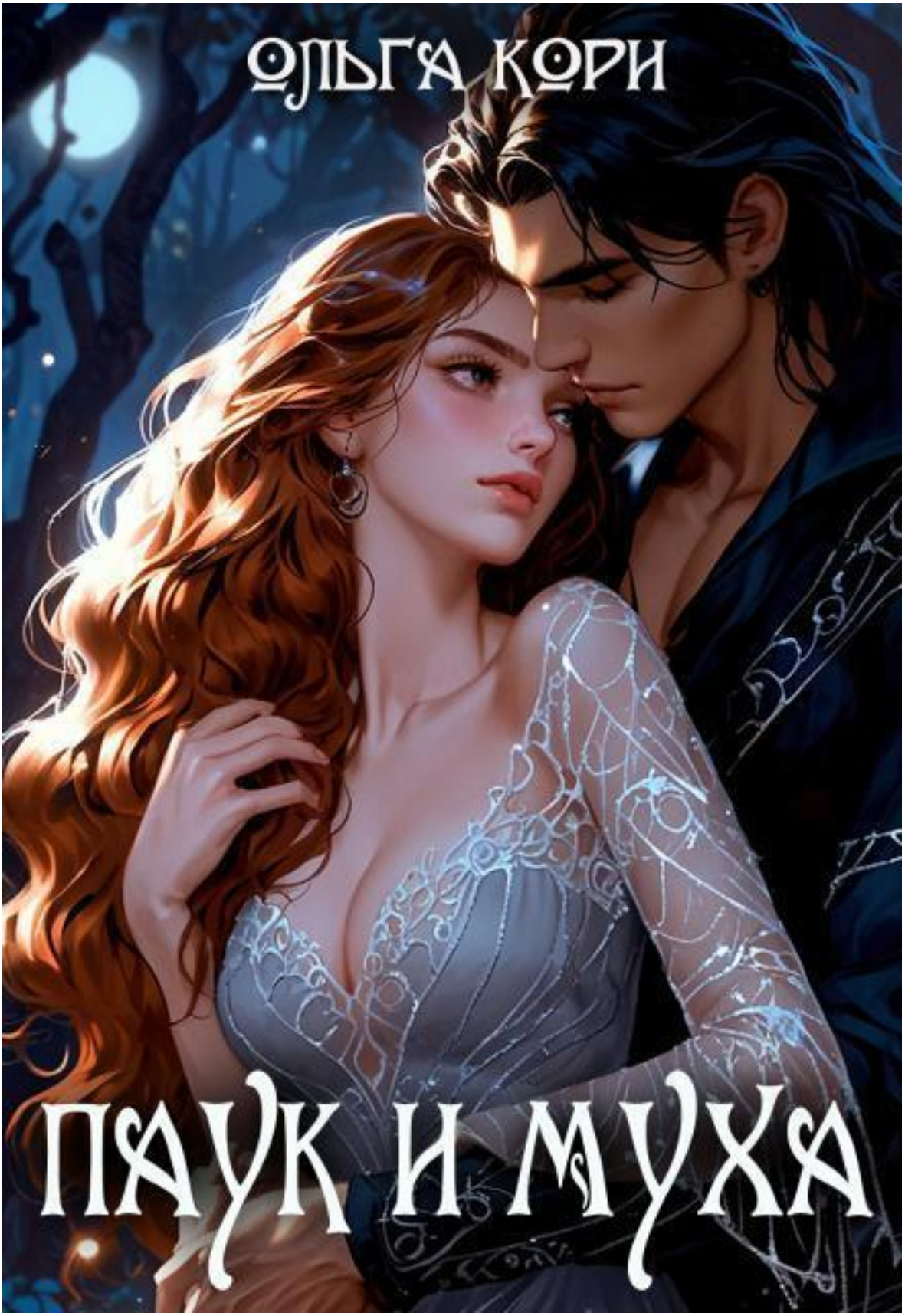

ОЛЬГА КОРИ
ПАУК И МУХА

Ольга Кори

Паук и Муха

«Литнет»
2026

Кори О.

Паук и Муха / О. Кори — «Литнет», 2026

Серебряная нить связала два мира. Обычная девушка увидела в медном боку самовара того, кого все считают чудовищем. Теперь он лежит у её ног, раненый и беззащитный. Она должна решить: убить или спасти? Но чем ближе она к нему, тем сильнее её желание. И тем опаснее становится их связь. Вас ждут:- Фэнтези с элементами славянского колорита;- Романтическая линия с постепенным развитием чувств;- Эротические сцены;- Динамичный сюжет;- ХЭ Не забывайте отмечать звёздочкой! Оставляйте КОММЕНТАРИИ ПОДПИШИСЬ на автора!

© Кори О., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Тень 5
Глава 2. Камушек 7
Глава 3. Ссора 10
Глава 4. Самовар 12
Визуалы 16
Глава 5. Подарок 19
Глава 6. Капитан Ос 21
Глава 7. Прошлое 23
Глава 8. Жук 26
Глава 9. Мёд 31
Глава 10. Гроза 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Глава 1. Тень

(Граница между мирами. Замок Арахнея)

Мир Светлицы никогда не видел полутонов. Здесь был либо яркий день, либо тёмная ночь. Но на границе с Меженью царили вечные сумерки. Воздух казался разреженным, а небесный свод напоминал ладонь титана, освещённую прожилками молний.

Жук шагал по тропе, не обозначенной ни на одной карте.

Он был лучшим из борцов с нечистью. Тридцать семь устранённых угроз. Двадцать три подтверждённых убийства существ, которые посмели пересечь грань между мирами. И теперь он шёл выполнять очередное задание.

— Ты просто паук, — бормотал Жук, сжимая в руке кинжал с острым кремниевым лезвием. — Старый, мерзкий, вонючий паук.

Здешний лес не шумел, а похрустывал, потому что все деревья в нём были мёртвыми. В воздухе клубилась дымка из грибных спор, которая щекотала нёбо и вызывала зловещее предчувствие.

Из тумана выступило странное сооружение, больше похожее на воплощение чьей-то больной фантазии. Жук тряхнул головой, не веря собственным глазам. Стены этого сооружения не были сложены из камня или сплетены из веток. Они были сотканы. Тысячи слоёв полупрозрачного шёлка были натянуты между ветками засохших деревьев. Вход напоминал овальный зрачок, обрамлённый бахромой пульсирующих нитей.

Ни окон, ни дверей. Лишь зияющий провал, оплетённый паутиной. Отверстие казалось узким, так что даже Жуку с его средним размером требовалось примериться, чтобы проскользнуть внутрь.

«Неужто испугался, дуралей?» — спросил он сам себя. «Это всего лишь его берлога».

Но не успел он приблизиться к отверстию, как воздух наполнился тихим гулом. Тысячи лапок зашуршали по шелку, заставляя его издавать звук, подобный стону гигантской виолончели. Жук остановился, чувствуя нарастающую угрозу.

И тут они хлынули.

Сотни, тысячи мелких, с напёрсток, тварей. Они высыпались из складок стен, будто само здание извергало из себя паразитов. Их глазки горели холодным малахитовым огнём. Их крохотные лапки были оснащены острыми шипами, пропитанными ядом, отчего воздух вокруг мгновенно стал горчить.

— Брысь! — рявкнул Жук, рассекая воздух клинком.

Кинжал запел. Тонкое, но прочное лезвие завибрировало. Паучки с шипением отлетали в стороны и падали замертво.

Но их было слишком много.

Они оплели ноги Жука нитями, такими тонкими, что он не чувствовал их, пока не попытался сделать шаг. Его правая нога приросла к земле. Левая застыла в полусогнутом положении. Жук упал на колено, отчаянно отбиваясь.

— Именем Света, прочь!

Клинок прочертил в воздухе сверкающий круг. Паучки завизжали, их тела полопались, как переспелые ягоды. Жук перескочил через вязкую массу и бросился вперёд, прямо в зрачок-вход.

Внутри замок оказался абсолютно пустым, лишённым всякой обстановки. Глазу не за что было зацепиться. Ни одного предмета мебели, ни одного угла или выступа. Пол, стены и потолок сливались в единое целое: гладкий, прохладный шёлк, который отзывался на каждый шаг упругой дрожью, словно живая плоть.

А посреди этого обтянутого шёлком пространства стоял он.

Жук ожидал увидеть чудовище из многочисленных рассказов о монстрах из Межени. Огромного паука с мохнатыми челюстями, огромными глазами и брюхом, источающем гной. Он готовился к мерзости. К битве, после которой придётся менять одежду, потому что она пропитается чёрной кровью.

Но перед ним стоял молодой мужчина.

Высокий, бледный, как шёлк, из которого был соткан этот замок. Длинные волосы окутывали плечи тёмной пеленой. Узкий кафтан чёрной парчи подчёркивал каждую мышцу его стройного, поджарого тела. И лицо…

Лицо было прекрасным.

Но не той нежной красотой, которая вызывает желание защищать, а опасной красотой острого лезвия. Пустые глаза смотрели на Жука без удивления, без гнева, безо всякого выражения.

Мужчина молчал.

— Ты Арахней? — спросил Жук и ужаснулся тому, как нелепо это прозвучало.

— Ты в моём доме, — голос мужчины оказался тихим и шелковисто-мягким, под стать его окружению. В его тоне не было угрозы, лишь усталость. — Уходи.

— Я пришёл убить тебя!

— Многие пытались, — мужчина склонил голову, и в этом плавном движении проскользнуло что-то нечеловеческое. — Ни у кого не получилось.

— А я всё-таки попробую!

И с яростным криком Жук бросился вперёд.

Мужчина в чёрном даже не шелохнулся, не попытался уклониться. Кремниевый кинжал вошёл ему в грудь по самую рукоять, туда, где у простого жителя Светлицы находится сердце.

Кровь серебристой влагой брызнула на Жука. Он отскочил, оставив клинок в теле врага. Мужчина с интересом посмотрел на него.

— Хороший удар, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Жаль, бесполезный.

Он вытащил кинжал из груди одним выверенным движением, как избавляются от занозы. Рана на глазах затянулась. Многочисленные шёлковые нити соединились, выдавив из плоти капли серебристой крови.

А потом хозяин Шёлкового замка скользнул к Жуку. Его босые ступни словно парили над тканой поверхностью. Жук хотел ударить его другим кинжалом, но рука не поднялась.

— Я мог бы… — мужчина наклонился к самому его лицу, и Жук увидел, что внутри этих пустых глаз нет ничего, даже злобы. — …мог бы сделать с тобой многое. Но ты мне неинтересен.

Он выставил ладонь вперёд, и Жук вылетел в отверстие в стене. Прочь из Шёлкового замка.

Глава 2. Камушек

(Светлица. Раннее утро)

Трава была мокрой от росы.

Муха шла босиком по обочине дороги, сжимая в кулаке три гроша — последние из тех, что остались от продажи зелёного лука на рынке. Корень живокоста, из которого лекари изготавливали целебные мази, съест её последние накопления. Но ей было плевать на цену.

Жук лежал у неё дома на лавке и молчал. Он вообще мало разговаривал. Вот и в этот раз, когда его принесли к ней со сломанной рукой, Жук только шипел.

Муха не стала расспрашивать, что с ним случилось. Она знала, что Жук ходил на границу. И была уверена, что руку ему сломали не случайно.

— Не надо лекаря, — сказал он Мухе. — Примотай к палке, само срастётся.

Но Муха не умела оставлять друзей в беде. Даже таких угрюмых, как Жук. Даже тех, кто считал её слабой из-за того, что она муха, а не пчела.

— Дура, — сказала она себе вслух, споткнувшись о корень. — Ты идёшь в лавку в шесть утра, потому что у твоего друга сломана рука. Это благородно, но глупо. Это…

Она опустила взгляд в траву. И замерла. На обочине лежал камешек. Небольшой, продолговатый, не чёрный и не белый. Серый, как сумерки, которых не случалось в Светлице, и о которых Муха только слышала.

Муха присела на корточки.

— Стекляшка, — сказала она. — Мусор. Ничего интересного.

Но её рука уже ухватила камень.

И неожиданно он отозвался. Он не запищал, не засветился. Он ожил. Задёргался, как живой, толкнулся в ладонь пару раз и затих. Муха отдёрнула руку, но камень не выпал. Он прилип к её коже, словно пиявка.

— Твою ж… — вырвалось у неё.

На дороге заскрипела телега. Проехал торговец овощами, даже не взглянув на Муху. Где-то вдалеке залаяла собака. Мир Светлицы продолжал вертеться, и никто не замечал, что в траве прячется нечто необыкновенное.

Муха сунула камень в карман передника и пошла дальше. В лавку, за живокостом.

Лавка «Корень и Свеча» была наполнена ароматами трав, сдобренным тяжёлыми нотками пряностей. На многочисленных полках теснились коробки, туески и склянки разных форм и расцветок. Хозяин, старый жук-носорог, стоял за прилавком и что-то неспешно толок в огромной бронзовой ступке.

— Доброе утро, дедушка Лавр, — поздоровалась Муха и выложил на прилавок гроши. — Мне нужен корень живокоста.

— Для кого это? — спросил аптекарь.

— Для моего друга Жука. Вы его знаете.

— Знаю, знаю, — буркнул Лавр, раздвигая гроши ногтем. — Мало. Живокост подорожал. Нужно пять.

— У меня нет пяти.

— Тогда иди. На твоём Жуке всё само заживает.

И тут камень в кармане зажужжал, забился, будто хотел быть замеченным. Муха вытащила его.

— А это? Это в уплату возьмёте?

Тёмные глаза Лавра расширились, когда он разглядел камушек.

— Где ты это взяла?

— Нашла в траве. По дороге сюда.

— В какой траве? На какой дороге?

— На обычной. Которая ведёт от мельницы.

Лавр долго молчал.

— Девочка, — сказал он наконец, — этот камень не для всех. Его может найти только тот, кто…— он запнулся, подбирая слово, — …видит дальше.

— Что значит «дальше»?

— За пределы Светлицы. Обычный муравей пройдёт по этой дороге тысячу раз и не заметит камня. А ты заметила. Потому что ты не совсем обычная.

Мух чуть не задохнулась. «Что это значит?» — пронеслось в голове. Она всегда считала себя просто мухой: жила в своей избе, торговала зеленью на рынке и не жаловалась на судьбу. Но камень прилип к её руке, словно живой. А старый Лавр смотрит на неё так, будто видит не просто девушку, а нечто большее.

Муха покраснела и растерянно заморгала.

— Я обычная, — возразила она и запнулась. — Просто мне повезло. Наверное...

— Обычные не видят таких камней, — возразил Лавр, кивая на её ладонь. — Это, девочка, камень Межени. За него я дам тебе не живокост, я дам тебе кое-что получше.

Он полез под прилавок и вытащил крошечную катушку, на которую была намотана тонкая, блестящая нить.

— Нить Межени, — сказал Лавр. — Обмотаешь сломанную кость, и она срастётся. Это не лекарство, а магия. Настоящая. Из мира, которого наши борцы с нечистью боятся как огня.

— Ты даёшь мне такую ценность за камень?

— Этот камень тоже не простой, — усмехнулся Лавр, пряча камушек в карман своего халата. — А тебе, глупая, повезло. Ты *видишь*.

Муха хотела спросить, что значит «*видишь*» и кто ещё умеет видеть и где этому учатя, но только молча сунула катушку в карман.

«Чушь какая-то», — подумала Муха. «Старый пень бредит». Но где-то глубоко внутри заворочался страх. Не перед Лавром, а перед тем, что она на самом деле не знает, кто она есть.

Она повернулась, чтобы уйти, и тут заметила на столике у окна большой медный самовар. Видимо, Лавр готовился к чаепитию, потому что над самоваром вился дымок, хотя огня под ним уже не было.

Муха случайно встретилась взглядом с собственным отражением —большеглазой девушкой с растрёпанными рыжеватыми волосами. А потом посмотрела чуть выше, туда, где блестящая поверхность отражала не только её, но и то, что находилось позади.

У неё за спиной стоял мужчина.

Высокий. Красивый. Его лицо было бледным, как мрамор, с острыми чертами. Длинные чёрные волосы падали на плечи тяжёлыми прядями, и даже в искажённом самоварном отражении было видно, как они чуть шевелятся, будто от ветра, которого в лавке не было.

И глаза. Глаза были пустыми. Пустыми, как бездонный колодец. И этим пустым взглядом он смотрел прямо на неё.

Муха почувствовала, как тело наливается странной тяжестью. Не страхом, а чем-то другим. Тем, о чём подруги говорили только шёпотом, краснея.

Сердце забилось. Низ живота сжался в тугой узел. Ей стало жарко от желания заполнить чужую пустоту. От зрелища красоты, которая не должна была существовать в природе. От того, что этот мужчина смотрел на неё так, будто знал её. Будто уже решил, что она будет его.

Муха хотела отвернуться и не могла.

Из самовара поднимался пар. Изображение на его боку на мгновение запотело и вновь стало чётким.

А потом мужчина улыбнулся. Болезненно, с трудом. Так, что Муха поняла: он не улыбался уже очень долго. И забыл, как это выглядит со стороны.

— Ты, — прошептала она одними губами, хотя не знала, кого зовёт и зачем.

Отражение моргнуло и исчезло. На медной поверхности самовара осталась только она. Одна, с горящими щеками, с нитью Межени в кармане и с вопросом, который сжигал изнутри.

«Кто ты?»

Муха огляделась. Вокруг было пусто, только старый Лавр возился за прилавком, не поднимая головы. Никакого мужчины. Никаких следов.

— К вам кто-то заходил? — спросила она аптекаря.

— Только ты, — буркнул Лавр. — Иди уже, не мешай.

Она вышла на крыльцо, прижимая руку к груди. Там, под пальцами, сердце колотилось как бешеное. Не от страха, не от удивления.

От голода.

Того самого, о котором предупреждал Жук. «Не всякий враг хочет тебя убить. Иногда он хочет тебя сожрать. И ещё хуже, когда ты этого хочешь».

Вокруг становилось всё теплее. Но Муха не чувствовала ничего кроме холодного взгляда пустых глаз, который паутиной лежал на её коже.

Глава 3. Ссора

(Светлица. Дом Мухи. Полдень)

Дом Мухи стоял на отшибе. Маленький, с покосившимся крыльцом и занавешенными старой кисеёй окнами. Внутри пахло сушёными травами, ягодами и мёдом.

Жук сидел на лавке и молчал.

Правая рука висела плетью. Синяя, распухшая, с неестественным изломом в предплечье. С тех пор, как Жука принесли сюда, рука стала только хуже.

— Раздевайся, — сказала Муха, доставая из кармана катушку с тонкой, почти невидимой нитью.

Жук посмотрел на нить, и его обветренное лицо исказилось гримасой отвращения.

— Откуда она у тебя?

— Купила у Лавра.

Жук шумно выдохнул.

— Это нить Межени, — сказал он. — Её ткут только в одном месте. В замке, хозяина которого я пытался уничтожить. Её создаёт…

— Паук? — вырвалось у Мухи.

Жук резко распахнул глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Слышала краем уха, — сказала девушка. — На базаре рассказывали. Говорят, паутиной можно раны бинтовать. Заживает на раз.

— Убери эту пакость, — Жук отвернулся. — Я не буду лечиться тем, что создаёт враг.

— Ты что, дурак? — возмутилась Муха. — У тебя рука сломана! Ты не можешь даже ложку держать! А если кость срастётся криво, ты навсегда останешься калекой!

— Лучше калекой, чем должником паука.

— Каким должником? Ты ничего ему не должен! Это я купила нить, я принесла её сюда! Лечение от меня, а не от него!

— Ты не понимаешь, Муха. В нити Межени скрыта его сила. Когда я обмотаю руку этой дрянью, он узнает, кому помогла его нить. И тогда...

Жук запнулся.

— И что тогда? Думаешь, он придёт и убьёт тебя? Так он и так хотел это сделать, когда ломал тебе руку!

— Не он, — признался Жук. — Он не ломал. Это я сам, при падении. А он просто вытолкнул меня. Даже добивать не стал.

Муха задумалась.

Это было важно. Она ещё не знала, почему, но где-то в глубине души поняла: «Если бы он хотел убить, то убил бы. Но он не захотел».

— Ты боишься его? — спросила она тихо. — Или того, что он может оказаться не таким чудовищем, как ты себе представляешь?

— Заткнись.

— Так ты принимаешь помощь или нет?

Жук долго смотрел на неё. На её растрёпанные волосы, на большие светлые глаза. Потом перевёл взгляд на свою распухшую руку.

Он не сможет больше защищать её. Не сможет сражаться. Никогда.

— Ладно, лечи, — бросил он. — Но помни: я не благодарен. Я просто позволил.

Нить оказалась живой. Даже слишком живой.

Как только Муха коснулась ею распухшей, лилово-синей кожи, нить не скользнула и не обмоталась вокруг руки, а медленно потекла. Завибрировала, вживаясь в чужую плоть. Жук вздрогнул от того, как что-то чужое проникло внутрь, нашло трещины в кости, обвило каждый осколок. И стало жадно сращивать, будто возвращая себе потерянное.

Муха видела, как под тонкой кожей запястья движется серебряная струна, пульсируя в такт сердцу Жука. Или в такт иному, далёкому сердцу, спрятанному в сумерках. Ей показалось, что она слышит чей-то требовательный шёпот.

Жук тяжело задышал. Потом зашипел сквозь зубы. Потом прикусил кулак, чтобы не закричать.

Синева отступала. Опухоль спадала, кости вставали на место с тихим, противным хрустом.

Когда всё кончилось, Жук отнял кулак ото рта. На пальцах блестела кровь. Он поспешно вытер их о штанину, словно пытался забыть то, что только что с ним произошло.

Нить исчезла. Не рассыпалась в прах, а растворилась в мышцах, сплелась с сухожилиями. И только тонкий, влажно блестящий шрам на предплечье напоминал: рука больше не принадлежит только Жуку. Отныне в ней есть кто-то ещё.

— Готово, — Муха отступила. Ей показалось, что кончики её собственных пальцев всё ещё помнят прикосновение нити. — Можешь шевелить.

Жук осторожно поднял руку. Медленно сжал кулак, чувствуя, как натянулись под кожей стальные связки. Разжал. Пальцы больше не дрожали. Кулак стал крепче, чем до перелома.

— Проклятая нить, — сказал он с отвращением.

— Она спасла тебе руку, — возразила Муха.

Он поднялся с лавки, и девушка заметила проступившую испарину у него на лбу. Он был измучен бессонницей, но в глазах горел мрачный, лихорадочный огонь.

— Я ухожу.

— Куда? Останься. Я приготовлю обед, завтра у меня именины…

Жук молча оделся, затянул ремни, проверил оружие. Обернулся уже на пороге.

— Ты слишком добрая, Муха, — сказал он с сожалением. — Это опасно.

Дверь хлопнула.

Муха стояла посреди комнаты и дрожала.

Не от холода. От злости.

Лучшие порывы принимаются в штыки. Нить Межени, видите ли, чудовищная. Она, оказывается, слишком добрая. А то, что Жук выздоровел, потому что она нашла этот странный камень в траве — ничего? То, что она отдала волшебный артефакт за лекарство для него — пустяк?

— Вот же Жук! И никакой благодарности, — буркнула она и принялась за уборку. Подмела пол, протёрла окна, накрыла стол чистой скатертью. Завтра у неё именины, хотя никто об этом не помнит. Хотелось плакать, но слёзы не шли. В горле, как рыбья кость застряла обида.

Выйдя из её дома, Жук остановился на крыльце, прислонился лбом к столбу.

— Глупая. Глупая ты Муха. Я ведь не из-за нити злюсь.

Но она этого не слышала.

Она убирала дом, готовясь к празднику, который никто с ней не разделит. И почему-то думала не о Жуке, а о том, кто сплёл волшебную нить, и чьё сердце билось сейчас в такт исцелённой руке её друга.

Глава 4. Самовар

(Граница)

Арахней не знал, что заставило его выйти из замка.

Триста лет он сидел взаперти, отгородившись от мира. Триста лет он смотрел только на серебряные стены, на пульсирующие нити, на маленьких паучков, которые сновали по потолку, не задавая вопросов.

Но однажды всё изменилось.

На кухне замка стоял самовар. Старый, медный, с потускневшими боками. Арахней давно не заглядывал в него. Не хотел знать, что происходит за стенами замка. И тем более не хотел видеть, что творится внутри него самого.

Но в тот день он зачем-то подошёл к самовару. Может, почувствовал что-то. Может, наконец захотел увидеть что-то более интересное, чем голые шёлковые стены своего убежища.

Он взглянул в мутное отражение и увидел её.

Какая-то девушка стояла в комнате. Её рыжеватые волосы были растрёпаны, платье из крашеного в жёлтый полотна застирано до дыр, а щёки горели неожиданно ярким румянцем. Она смотрела прямо в самовар широко открытыми глазами, и он понял, что она заметила его.

Она не испугалась. Просто замерла, приоткрыв рот, и в её глазах загорелось то живое и тёплое, чего он не видел триста лет.

Чувство.

— Ты, — прошептала она.

Он метался по залу.

Паучки шарахались от него, испуганно пища. Они чувствовали его состояние. Его тревогу, смешанную с надеждой.

«Не ходи», — шептала ему пустота. «Ты убьёшь её».

Но он всё равно пошёл.

Паучки бросились за ним, пытаясь удержать, оплести ему ноги нитями, но он отмахнулся.

— Не мешайте, — сказал он.

Но они не послушались. Сотни маленьких серебряных теней поползли следом, тихо шурша лапками по шёлковым половицам.

Он вышел из замка и направился в лес. Туда, где граница истончалась, и серебристый сумрак уступал место ночи. Деревья становились не мёртвыми, опутанными паутиной, а живыми, с корой, пахнущей смолой. Воздух потяжелел от влаги. В груди Арахнея загорелся огонёк, который он триста лет пытался загасить.

Его словно ждали.

Из темноты Светлицы выступили трое - Жук и двое его приятелей. Мускулистые, коренастые, в хитиновых доспехах, вооружённые кремниевыми клинками и секирами. Их глаза горели фанатичным огнём.

— Я знал, что ты выйдешь, — сказал Жук, поднимая кинжал.

Арахней посмотрел на этого молодого, злого, уверенного в своей правоте парня.

— Уйди, — сказал он устало. — Я не хочу тебя убивать.

— А я хочу.

Они напали сразу втроём.

Жук был лучшим. Удары его клинка разрывали плоть и нити паучков. Помощники Арахнея с писком осыпались на землю, но снова поднимались, бросаясь вперёд, пытаясь задержать нападавших своими крошечными телами. Они цеплялись за сапоги, путались под ногами. Жук

сбивал их одного за другим, не глядя. Паучки падали, их малахитовые глазки гасли, но те, кто оставался, упрямо ползли вперёд.

Арахней уклонялся. Он не хотел убивать глупых борцов с нечистью, которые приходили к нему с оружием. Обычно он просто выталкивал нападавших обратно, в Светлицу.

Но сейчас он был не в замке. Его всё больше охватывало желание уничтожать. В борьбе с собственным гневом он пропускал удары.

— Бей его! — крикнул Жук.

Его приятель, коренастый борец с секирой, рубанул Арахнея по плечу. Клинок вошёл в плоть и с хрустом разломался на острые куски. Серебряная кровь брызнула на землю. От неожиданности Арахней зашипел.

— Вот живучий! — заорал третий, тыча паука кинжалом в бок. Тонкое лезвие рассыпалось на осколки.

Ещё одна рана. Ещё одна.

Паучки с отчаянным писком цеплялись за ноги бойцов. Их с раздражением стряхивали. Серебряные искры брызгали в разные стороны.

Арахней попытался выпустить нить, но Жук поднырнул ему под руку и вонзил кинжал в спину.

— Получай, тварь!

Арахней упал на колени. Кровь заливала одежду, капала на землю, собираясь в серебряные лужицы.

— Уходите, — прошептал он. — Пока я не...

— Что? Не убил нас? — усмехнулся Жук. — Ты уже еле жив.

Арахней поднял голову.

— Я видел её, — сказал он тихо.

Жук в недоумении замер.

— О ком ты?

— О девушке в жёлтом.

В груди Жука что-то оборвалось.

— Ах ты тварь!

Он замахнулся, чтобы нанести решающий удар, но Арахней вывернулся и кинулся вперёд, выпустив в бойцов тонкую серебряную сеть. Сеть обвила ноги нападавших. А сам Арахней, хромая, истекая кровью, выпустил вторую нить и шагнул в открывшийся перед ним разрыв между мирами.

— Стой! — заорал Жук, пытаясь выбраться из липкой паутины. — Стой, гад!

Но Арахней уже исчез.

Муха легла поздно.

Руки горели после уборки, ноги ныли от беготни, голова гудела. Она закуталась в одеяло, закрыла глаза и заснула.

Спала она чутко, как все, кто живёт в доме на отшибе. Каждый скрип половицы, каждый шорох за стеной заставлял её мгновенно просыпаться, прислушиваться, а потом снова засыпать.

Но этот звук был другим.

Сначала царапанье. Тихое, настойчивое, словно кошка просится домой. Потом тихий стон. Так стонут те, у кого уже нет сил кричать.

Муха села на кровати.

— Жук? — позвала она шёпотом. — Это ты?

Тишина. А потом глухой удар.

Она вскочила, накинула платок на плечи и побежала к двери. Сердце колотилось, ладони вспотели, ноги подкашивались от нехорошего предчувствия.

Дверь с протяжным скрипом отворилась. Муху обдало холодом. На дворе было темно, лишь полоска света из избы освещала крыльцо.

И на этом крыльце, истекая серебряной кровью, лежал он.

Тот мужчина из самовара.

Чёрные волосы разметались по доскам, словно кто-то разлил тушь. Одежда, когда-то матово-чёрная, а теперь блестящая от влаги, прилипла к телу, обнажая впалый живот и острые ключицы. Лицо было бледным и безжизненным. Глаза закрыты, губы сжаты.

Он был ранен, и сильно. Сквозь разорванную рубашку виднелся глубокий порез на плече. Из него всё ещё сочилась серебряная жидкость. Вторая рана была на боку. И в каждой ране торчали осколки. Муха пригляделась и узнала: это были обломки кинжалов Светлицы. Тех самых, которыми Жук и его приятели ходили убивать нечисть.

— Жук… — выдохнула она. — Что ты наделал!

Мужчина шевельнулся. Его веки дрогнули. Чёрные глаза приоткрылись, с трудом сфокусировались на её лице.

— Ты… — прошептал он едва слышно. — Ты… настоящая.

Он протянул к ней руку, всю в серебре, и потерял сознание. Кисть упала на порог, пальцы судорожно сжались, словно пытались удержать что-то невидимое.

Муха стояла, вцепившись в дверной косяк.

Она должна была столкнуть его с крыльца, позвать соседей. Должна была перерезать ему горло. Ведь это чудовище, враг, тот, кто чуть не убил её друга.

Но вместо этого она опустилась на колени, взяла его холодную руку в свои тёплые руки и прошептала:

— Ты приполз ко мне. Почему?

Визуалы

Знакомимся с нашими героями!

Муха. Вроде бы обычная, да не совсем :)

Жук. Точнее, жук-олень. Боевой парень. Сосед и друг детства Мухи. Они уже сто лет знакомы :)

Загадочный мужчина, которого Муха увидела в Самоваре. Зовут Арахнеем, живёт на границе, в собственном замке. Паук. Молодой, всего 500 лет. Не женат.

Глава 5. Подарок

(Светлица. Дом Мухи. Глубокая ночь)

Она не знала, зачем делает это.

Разум кричал: «Прогони его! Позови Жука! Беги к соседям!» Но тело не слушалось. Тело тянулось к нему, к его белой коже, к бессильно повисшим рукам, к чёрным глазам, которые закатились под веки.

Муха взвалила его руку себе на плечо.

Он был тяжёлым. Казалось, она тащит не мужчину, а целый мир, сжавшийся до размеров облачённого в шёлк тела. Половицы скрипели, кровь капала на пол, оставляя серебряные пятна.

— Только бы никто не увидел, — пробормотала она, вволакивая его в дом.

Она уложила его на свою постель. Он не сопротивлялся. Он даже не очнулся, когда она подсунула ему под голову подушку и расстегнула пропитанную кровью рубашку.

Муха замерла, рассматривая его тело.

Оно было прекрасным и страшным одновременно. Гладкое, как фарфор, покрытое зловещей сетью серебристых шрамов и ранами от кремниевых кинжалов. Особенно выделялась рана прямо над сердцем, где кожа была стянута и сияла бледно-золотым.

— Кто ты? — спросила она у раненого. — И почему я не могу тебя бросить?

Вода в тазу стала серебряной, когда Муха принялась смывать кровь с его тела. Раны светились. Тонкие нити серебра тянулись от краёв порезов, пытаясь соединить их, но осколки кремния, застрявшие в ранах, мешали.

— Вот изверги, — бормотала Муха, подцепляя пальцами осколок за осколком. — Мало вам было его прогнать, нужно было ещё истыкать.

Он стонал во сне. Иногда дёргался, пытался поймать её руку. Иногда шептал что-то на языке, которого Муха не знала.

Когда все осколки были извлечены, она перевязала раны чистыми льняными тряпками. Нитей Межени у неё больше не было. Была только обычная ткань.

Он затих. Она села на пол у кровати и закрыла глаза.

— Что я делаю, — прошептала она. — Что я, дурочка, делаю.

Она уснула прямо так, сидя у кровати. Ей снилось, что она стояла посреди большого зала, всего затканного путиной. Серебряные нити на стенах пульсировали, как вены живого существа. Она шла босиком по упругому шёлку.

В центре зала висел огромный кокон. Внутри него спал её раненый. Его тело было абсолютно целым, без повязок, чёрные волосы разметались по серебряным нитям, грудь медленно поднималась и опускалась.

Муха приблизилась.

Он открыл глаза. Она протянула руку, чтобы коснуться его лица, но паутина вокруг ожила: тонкие нити скользнули по её пальцам, обвили запястья, потянули вперёд.

— Не бойся, — прошептал он.

Нити опутали ей руки, ноги, талию. Она почувствовала, как её тело повисает в воздухе на нитях, прижимается к его телу, как серебряные волокна вибрируют в такт её сердцу.

А потом он коснулся её.

Тонкие нити скользнули по её губам. Тело охватила дрожь.

— Ты моя, — сказал он тихо.

Тьма вокруг сгустилась. Она хотела ответить, но тут яростный стук ворвался в её сновидение.

Бам-бам-бам!

Муха подскочила на половике, спросонок не понимая, где находится. Голова гудела, сердце колотилось, а между ног пульсировало горячо и настойчиво.

Бам-бам-бам!

Вся старенькая изба Мухи заходила ходуном. Кто-то ломился в дверь с такой силой, будто хотел выбить её вместе с косяком.

— Муха! Открывай! Я знаю, что ты дома!

Голос Жука. Злой. Очень злой.

Муха глянула на кровать. Раненый лежал с закрытыми глазами. Повязки пропитались серебром, но выглядел он лучше.

Бам-бам-бам-бам-бам!

— Муха! — Жук почти хрипел. — Я видел следы на твоём крыльце! Он здесь, да? Ты прячешь его?

Муха бросилась к двери.

— Чего тебе? — крикнула она сквозь щель. — Шесть утра, люди спят!

— Муха, открой сейчас же! Мне нужно проверить!

— С какой это радости?

— С той, что ты, дура, впустила в свою постель тварь, которая убьёт тебя при первой возможности!

Мухе стало жарко. От злости, от стыда. От того, из-за криков Жука все вокруг узнают.

— Ты пьян, — сказала она ледяным тоном. — Иди проспись.

Она дёрнула засов, приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы выглянуть наружу. Жук стоял на крыльце, взъерошенный, с красными глазами. Его правая рука, излеченная нитью Межени, слегка светилась изнутри.

Он выглядел как безумец.

— Пусти, — сказал он тихо.

— Нет.

— Муха, умоляю. Это ради твоей же безопасности.

— Ты чуть не сломал мне дверь своей безопасностью. Ремонт оплатишь?

— Я спасаю тебе жизнь!

— А мне кажется, ты просто ревнуешь.

Глаза Жука сузились. Правая рука странно дёрнулась, будто жила отдельной жизнью, ладонь сжалась в кулак.

— Что ты сказала?

— Ты слышал, — Муха скрестила руки на груди. — Ты ломишься ко мне с утра пораньше, без подарка, без поздравлений. Да ещё в чём-то обвиняешь. Где уважение? Где «с добрым утром»?

Жук опешил. Он явно не ожидал, что разговор свернёт в эту сторону.

— Какие подарки? У тебя паук в доме…

— У меня сегодня именины! — закричала Муха так пронзительно, что с берёзы слетела ворона. — А ты даже камня с дороги не принёс! Друг называется!

Жук открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Ты… ты сравниваешь меня с…

— Я ничего не сравниваю! Я просто говорю, что если тебе что-то очень нужно, иди к Осу и бери ордер! А без ордера — пошёл вон!

И она захлопнула дверь перед его носом.

Глава 6. Капитан Ос

Жук не ушёл.

Он остался на крыльце, стуча в дверь и выкрикивая проклятия в адрес пауков, Межени, Мухи и всей её родни. Кричал так громко, что вскоре на дороге показалась высокая тощая фигура в чёрном мундире с жёлтыми лацканами.

Капитан Ос.

В Светлице его боялись даже бандиты. Огромный, костлявый, с длинными усищами и глазами-бусинками, он был дотошный, беспощадный и очень неприятный в общении.

— Что за шум? — спросил он противным гнусавым голосом, неторопливо приближаясь к крыльцу. — Шесть утра. Люди спят.

— Это не ваше дело, капитан, — огрызнулся Жук. — Я здесь как борец с нечистью.

— Борец, который орёт на всю округу? — Ос подошёл ближе и внимательно посмотрел на Жука. Потом перевёл взгляд на дверь с выщербленным косяком. Потом на следы серебряной крови на досках крыльца. — Предъявите-ка документы, гражданин Жук.

Жук покраснел. Кулак его правой руки разжался, пальцы скрючились, и вся кисть метнулась в сторону капитана, намереваясь вцепиться ему в горло.

Жук едва успел перехватить её левой рукой.

— Что за напасть? — заорал он, борясь с собственной конечностью. — Она не слушается!

Капитан Ос наблюдал за этой сценой с выражением глубокого отвращения.

— Гражданин Жук, — сказал он ледяным тоном. — Я арестовываю вас за дебош, сопротивление представителю власти и… — он покосился на подёргивающуюся руку, — …за использование магии без лицензии.

— Какая магия? Это не магия! Это… это…

Но Ос уже надевал на него наручники. Жук попытался вырваться, но правая рука обмякла и безвольно повисла, будто решила сдаться первой.

— Вы имеете право хранить молчание, — бубнил Ос, уводя Жука от крыльца Мухи. — Всё, что вы скажете, будет использовано против вас…

Их голоса удалялись. Напоследок Жук крикнул:

— Муха! Ты не знаешь, кого впустила!

Она стояла, прижавшись лбом к двери избы, и пыталась отдышаться.

— Вот так именины, — пробормотала она.

— Поздравляю, — раздалось за её спиной.

Она вздрогнула и обернулась.

Спасённый ею мужчина стоял посреди комнаты. Серебристая кровь на повязках высохла и потемнела. Его кожа была бледной как фарфор, но держался раненый на удивление спокойно.

— Ты проснулся? — спросила Муха. — Ты же умирал.

— Я паук, — ответил мужчина тихо. — Мы быстро исцеляемся. Особенно если нам помогают.

— Что значит «помогают»?

Он приблизился. Точно такой, как виделся Мухе в самоваре — стройный, с длинными волосами. Его бездонные глаза смотрели на Муху с выражением, которое она не могла понять.

— Пока ты мыла мои раны и вытаскивала осколки, твоя сила перетекала в меня, — сказал он. — Не много, ты и не заметила. Но достаточно, чтобы я излечился.

Муха испуганно распахнула глаза.

— Ты меня... выпил?

— Я дышал тобой, — невозмутимо поправил он. — Это разные вещи.

Они замолчали. Утреннее солнце ложилось на пол золотыми полосами, но паук держался в тени, будто боялся, что свет обожжёт его.

— Жука арестовали, — сказала Муха. — Из-за твоей нити. Она заставила его руку напасть на капитана Оса.

— Это всего лишь нить, — ответил паук. — Дело не в ней, а в твоём приятеле.

Муха почувствовала, как внутри поднимается злость, похожая на ту, что она только что испытывала к Жуку.

— Он всего лишь хотел меня защитить.

— От меня?

— Да! От тебя! Ты ведь паук!

— Паук, — подтвердил он спокойно. — И что дальше?

Муха пожала плечами. Она не знала, что делать с раненым мужчиной, которого она собственными руками затащила в свой дом.

— Может, чаю? — предложила она с надеждой и бросилась к самовару. Паук отступил, пропуская её. Его красивое лицо исказилось.

— Ещё болит? — встревожилась Муха. — Может, не надо было вставать?

Она протянула к раненому руку, чтобы подвести к кровати, но паук отпрянул от неё мягким скользящим движением.

— Тебе лучше не подходить. Ты можешь пострадать, — сказал он тихо.

— Проверим? — предложила Муха с вызовом.

— Мне лучше уйти, — продолжил он, оглядываясь.

— Куда? Ты ранен, твой замок в сумерках, а Жук… — Она запнулась. — Жук знает, что ты здесь. И Ос докопается. Они тебя найдут.

Паук посмотрел на неё и вздохнул.

— Значит, какое-то время мне придётся здесь прятаться, — сказал он. — У тебя сегодня именины. Извини, я не принёс подарка.

— Ты пришёл ко мне сам. Это лучший подарок.

По его бледному лицу скользнула слабая усмешка, больше похожая на гримасу боли.

Она подошла к окну, затворила ставни, чтобы свет не тревожил гостя. Потом достала из сундука рубаху.

— Вот, от отца осталась. Накинь, пока я твою постираю.

— Спасибо.

Паук взял рубаху. На мгновение их руки встретились.

Кончики её пальцев закололо, и тепло разлилось от них к запястью и выше, к самому сердцу. Ей вспомнился сон, где шёлковые нити обвивали её тело, а его шёпот звучал отовсюду.

Рука паука с рубашкой застыла в воздухе, глаза расширились. Похоже, он тоже что-то почувствовал. Медленно, словно преодолевая невидимое сопротивление, он отстранился, но взгляд его стал глубже.

Щёки Мухи загорелись. По коже, от шеи до самых пят, пробежала волна мурашек.

— Не за что, — пробормотала она, отводя глаза и пряча руки за спину. — Одевайся и садись за стол.

Он заколебался. Муха нахмурилась. Неужели брезгует? А она его тащила через порог. Он вообще-то тяжёлый оказался! А теперь от её крендельков нос воротит!

— Тебе надо что-нибудь поесть, — заявила она, тряхнув чёлкой. — Ты плохо выглядишь. У нас тут, конечно, не дворец, но чем богаты, тем и рады. Крендельки и пирожки к чаю есть. Свои, свежие, домашние…

Паук покачал головой.

— Дело в другом, — произнёс он смущённо.

Глава 7. Прошлое

— Я совсем не против пирожков. Просто эти бинты… Я благодарен за заботу, но... они мне уже не нужны.

Плавными движениями паук освободился от стягивавших грудь повязок. Пропитанная серебряной кровью ткань соскользнула на пол.

Муха затаила дыхание. Паук стоял перед ней обнажённый по пояс, и в тусклом свете, пробивавшемся сквозь щели ставней, его тело казалось вырезанным из лунного света. Бледная кожа была покрыта узором шрамов. А под кожей угадывался тонкий рельеф мышц. Каждое его движение заставляло эти мышцы перекатываться.

Её взгляд скользнул по его шее с бьющимися венами, по ключицам, по рельефной груди, по напряжённым линиям живота, и она почувствовала, как пересохло во рту. Она захотела прижаться к этой нежной коже, провести губами по серебряным полоскам шрамов, ощутить под пальцами гулкие удары его сердца.

Она заметила, что её собственная грудь высоко вздымается, а ладони стали влажными. Стыд и возбуждение боролись в ней. Возбуждение побеждало.

Паук надел рубашку, скрывая и шрамы, и рельеф мышц, которые Муха уже мысленно исследовала. Поправил шелковистые волосы, распустил их по спине. И намекнул, глядя на девушку из-под длинных ресниц:

— Значит, чай?

Муха часто закивала и бросилась к столу. У неё всё-таки именины, хотя Жук и пытался всё испортить. Но жизнь постепенно налаживается. Раненый почти здоров, Жук скоро вернётся…

Паук сел за стол и, сложив руки на коленях, наблюдал за суетящейся Мухой. Смотрел он странно. не как чудовище на добычу, а как человек, который встретил нечто неожиданное.

— Ты спасла меня, — сказал он тихо. — Почему?

— Ты мог умереть, — ответила она просто, ставя перед ним чашку с блюдцем.

— И что?

— Ты мог бы убить моего друга, когда он напал на тебя. Но не убил. Значит, ты не чудовище. А я не бросаю умирать тех, кто не чудовища.

Паук усмехнулся.

— Ты наивна.

— Возможно.

— Это опасно.

— Жук сказал мне то же самое, — Муха поправила волосы. — Так что будешь? Ты вообще ешь?

— Как и вы все. Наверно, — ответил паук с лёгким сомнением в голосе.

Она поставила в центр стола блюдо с баранками и тарелку с мёдом. Он обмакнул баранку в мёд и стал медленно есть, как будто пробовал подобное впервые.

— А теперь скажи мне, — попросила Муха, садясь против него на табуретку. — Скажи, кто ты. Почему Жук так тебя ненавидит?

Паук вздохнул.

— Твой Жук думает, что я нечисть, которую надо убить. На самом деле я Арахней, один из шести князей-пауков. Мы отвечаем за сохранность границ между Светлицей и Меженью. Без нас эти миры уничтожат друг друга, а нечисть прорвётся в Светлицу.

— Но почему я увидела тебя в Самоваре? — спросила Муха. — Никогда не случалось, и вдруг такое…

Паук потупился.

— Самовары оказались заправлены кипятком, вот и совпало.

— Но почему я вижу то, чего не видят другие? Могу найти камень Межени, могу смотреть в Самовар…

— Возможно, в тебе есть чужая кровь, — ответил Арахней. — Кровь тех, кто родился в Межени, но оказался в Светлице. Поэтому ты можешь пользоваться предметами, изготовленными в другом мире.

— А ты сам? Ты из Межени?

Паук покачал головой.

— Нет, я не совсем оттуда, — медленно ответил он, проникновенно глядя на Муху. — Но и не из Светлицы. Пауки принадлежат обоим мирам. Поэтому мы можем жить на границе и охранять её. Хотя, — он вздохнул, — я не всегда был воином. Когда-то я был просто глупым мальчишкой, который всё испортил.

— Расскажи, — попросила Муха.

И он рассказал.

Триста лет назад он нарушил законы пауков-хранителей. Бросил пост на границе и спустился в Светлицу. Увидел на берегу реки бабочку, которая не боялась ни сумерек, ни пауков. И влюбился.

— Она была дочерью мельника. Мы встречались по ночам. Я дарил ей кружева, она танцевала. Я думал, что это продлится вечно.

Старшие пауки узнали. Они не могли позволить князю полюбить селянку из Светлицы. Это нарушало равновесие между мирами.

— Они наложили на меня проклятие. Близость со мной отныне несла смерть любой простой девушке.

Муха побледнела.

— А та бабочка?

Паук помолчал и признался:

— Она умерла. Прямо в моих объятиях.

— Арахней…

— Я сидел с ней до утра. Держал её за руку и просил прощения. А потом поклялся, что больше никогда никого не полюблю. Никогда не прикоснусь ни к одной живой душе. Никогда не выйду из своего замка.

Чёрные зрачки заволокли серебряные слёзы.

— Но я нарушил клятву. Триста лет держался и нарушил. Потому что увидел тебя в Самоваре. И захотел быть с тобой, хотя бы на миг.

Весь день Муха переваривала услышанное. Она мыла посуду, стирала бельё, варила кашу, подметала в избе и думала над словами паука.

Он убил свою возлюбленную. Он проклят. Его объятия несут смерть.

Это было страшно. Она должна была бояться и боялась. Но едва она представляла его бледное лицо, длинные чёрные волосы, как её охватывало желание. Желание приблизиться, раздвинуть тонкую ткань рубашки. Почувствовать, как сильные пальцы сжимают её запястье.

— Что со мной не так? — громко спросила она и спохватилась, застыв посреди горницы с веником в руке.

— С тобой всё так, — ответил Арахней, сидя на кровати. — Это моя тьма притягивает тебя. Будь осторожна, Муха. Ты не знаешь, чего хочешь.

— Я знаю, — выпалила она. — Я хочу…

Она не договорила. Слишком стыдно.

Она смотрела на его губы и хотела, чтобы он её поцеловал. Даже зная, что это может убить её. Особенно зная, что это убьёт.

«Я такая же чокнутая, как он», — подумала Муха.

— Я пойду поливать огород, а ты ложись, — сказала она вслух.

— А ты? Где будешь спать ты?

— На полатях. Ничего, я маленькая.

Вечером измученная мыслями и желаниями Муха забралась на полати. Легла, закутавшись в шаль. В тишине она слышала сиплое дыхание паука и громкий стук своего сердца.

Она лежала неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не выдать себя. Но каждый его выдох отзывался где-то глубоко внутри неё пульсацией, которая не имела ничего общего со страхом. Она прижала ладонь к животу и замерла. Она испугалась, что он может догадаться о её фантазиях, и попыталась дышать как обычно.

«Ты хочешь его», — шепнул внутренний голос. «Ты хочешь чудовище, которое убивает. Ты больна».

«Знаю», — отвечала она. «Но он первый, из-за кого мне захотелось жить по-настоящему».

И это было слаще любой безопасной любви.

Глава 8. Жук

(Светлица. Полицейский участок Оса.)

Жук сидел на деревянной скамье, упираясь локтями в колени, и с мрачным видом разглядывал свои руки. Одна выглядела как обычно, крепкая, мускулистая. С ней всё было хорошо, а вот со второй...

— Проклятая нить, — прошипел Жук, сжимая кулак правой руки до хруста в суставах. Под кожей предплечья что-то шевелилось. Что-то сильное, быстрое, но чужое.

Дверь лязгнула.

Вошёл капитан Ос. Его длинные усищи подрагивали в такт шагам, а глаза-бусинки смотрели на Жука с холодным любопытством коллекционера, разглядывающего редкий экземпляр.

— Ну что, борец с нечистью, — проскрежетал Ос. — Рассказывай.

— О чём? — буркнул Жук.

— О том, как ты чуть не убил князя Пауков, герой.

В слове «герой» звучало нескрываемое презрение.

Жук молчал. Ос сел на скамью, сложив длинные пальцы домиком.

— Мы с тобой цивилизованные люди, гражданин Жук, — произнёс капитан после долгой паузы. — Расскажи всё сам. Если станешь скрывать факты, передам тебя князьям-паукам.

Жук поднял голову.

— С каких это пор полицейский Светлицы работает на пауков?

— С тех самых, как понял, что мы все лишь пешки на шахматной доске, — ответил Ос ядовито. — Рассказывай, Жук. Что произошло с твоей рукой?

Жук пожал плечами и начал.

Голос его был глухим от усталости. Он не спал вторые сутки. Рука болела, хоть и по-другому. И где-то глубоко шевелилось предположение, которое он не решался произнести вслух: «Что-то здесь не так».

— Однажды ночью я заметил нить Паука. Я ухватился за неё. И она привела меня в странное место.

— На границу с Меженью, — подсказал Ос.

— Туда, — кивнул Жук. — В логово зверя. Я думал увидеть чудовище, а увидел мужчину, который... — Жук запнулся. — Который не выглядел злым.

— Но ты всё равно на него напал.

— Потому что моя работа — убивать нечисть. Я вонзил ему нож прямо в сердце, — голос Жука дрогнул. — А он... он сказал: «Бесполезно».

Ос наклонился вперёд.

— Интересно. А потом?

— А потом он выбросил меня. И я сломал руку.

Ос задумчиво жевал ус.

— Друзья отнесли меня к Мухе, — продолжал Жук. — Она притащила нить Межени.

— Откуда у гражданки Мухи нить Межени?

— Говорит, взяла у аптекаря.

— У Лавра, значит, — кивнул Ос многозначительно.

— Она намотала эту нить мне на руку. И вот, — Жук помахал означенной конечностью. — Как новенькая. Только больно странная.

Капитан посмотрел на Жука.

— Значит, гражданка Муха оказала тебе медицинскую помощь. А ты у её дома дебош устроил в благодарность?

— Это из-за него!

Жук насупился.

— Рука стала чесаться. Будто кто-то звал меня. Мы с ребятами пошли туда. На границу. А тут снова он! Паук! И мы его...

Ос покачал головой.

— Трое на одного? Без предъявления обвинений?

— Да он там живёт, этого достаточно! Его, гада, даже секира не берёт! — воскликнул Жук возмущённо, как будто неуязвимость была преступлением. — Он как бессмертный!

Жук замолчал. Его заживлённая рука подрагивала, вспоминая сражение с пауком.

— Мы его всего истыкали, а ему хоть бы хны, — продолжил Жук мрачно, подождав, когда рука угомонится. — Он выпустил нить и сбежал по ней в Светлицу.

— Ты уверен, что он у твоей подружки? — спросил капитан.

— Да. На пороге была серебряная кровь. Он точно там! У Мухи! Почему вы его не арестуете?

Ос встал, прошёлся по камере.

— Тридцать лет и три года я служил Светлице. Ловил бандитов, усмирял бунты, закрывал глаза на махинации Шершней. А потом попал в Межень. И увидел... порядок. У них есть закон, Жук. Есть справедливость. Чего не скажешь о наших чиновниках.

Ос остановился перед Жуком, заложив костлявые руки за спину.

— Князь Арахней не в моей юрисдикции. Дело полиции — следить за порядком в Светлице. А борьба с нечистью — это ваша забота, пауки и герои.

Жук дёрнулся, но капитан продолжал, не повышая голоса:

— Готов написать заявление, гражданин Жук? Я передам его Паукам, и твоего соперника накажут по всей строгости паучьего закона за проникновение в Светлицу. А ты пока отдохни, успокойся, — Ос усмехнулся. — У тебя две недели и один день.

***

Муха встала, пока Арахней ещё спал.

Она натаскала в дом воды и достала с полки заветные травы, которые сама собрала прошлым летом. Зверобой, ромашка, бессмертник. Лавр говорил, что это питьё очищает кровь и заживляет раны. Потом вынесла самовар во двор, наполнила до краёв колодезной водой, засыпала шишек и затопила. Вскоре самовар закипел, зафырчал, выпустил струю пара. Муха внесла самовар в избу, заварила крутой настой в глиняной кружке, добавила ложку мёда.

Арахней уже пробудился и с интересом следил за хлопотами Мухи.

— Пей, — сказала она, протягивая ему кружку.

— Что это?

— Лекарство.

— Это питьё для простых людей, — скривился он. — Я паук. Мы пьём соки.

— В Светлице есть только чай и мёд. Так что пей, или я обижусь.

Он вздохнул и сделал глоток. Скривился ещё больше. Потом ещё один.

— Горько? — спросила Муха.

— Терпимо, — ответил он.

Она улыбнулась и принялась за стряпню. Замесила тесто, скатала крендельков, посыпала маком и поставила в печь.

К полудню изба наполнилась запахом сдобы.

Арахней поднялся с кровати и сел за стол. Муха вынула из недр печи чугунок с кашей, ароматной и наваристой. Поставила на стол, рядом придвинула плошку с мёдом и свежие кренделькы. Заварила новую порцию лечебного чая.

— Ты слишком много за мной ухаживаешь, — сказал Арахней, принимая кружку. — Я не ребёнок, чтобы за мной так смотреть.

— Ты раненый, — парировала Муха, убирая прядь волос с лица. — И вообще, кто бы говорил. Триста лет взаперти! Ты, небось, там и чаю нормального не пил.

— Я могу долго обходиться без воды, — ответил Арахней. В его голосе зазвучали прежние чарующие нотки, которые так легко обезоруживали даже бывалого Жука.

— Поэтому такой худой. Теперь будешь пить травяной чай.

Арахней увидел её довольную улыбку в отражении медного бока самовара, который тихо пыхтел на столе, отбрасывая на стены тёплые блики.

Они ели молча, не решаясь нарушить уютную тишину. Муха подложила пауку ещё каши, подлила чаю.

— А твоя мама, — спросил Арахней, разглядывая росписи на деревянной ложке, — она была мухой?

— Не знаю, — ответила Муха, не поднимая глаз. — Она умерла, когда я была ещё маленькой. Отец ушёл в армию и не вернулся. Я живу одна.

— Не одна. Есть Жук.

— Жук просто друг, — возразила она.

— Он хочет большего.

— А я не хочу.

Арахней посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Почему ты меня не боишься? — спросил он тихо. — На мне проклятие. Я убил ту, которую любил. Тебя это не пугает?

Муха отложила ложку.

— Я уже столько тебя трогала, — заявила она, краснея. — Во всех местах. И до сих пор ничего не произошло.

Она протянула руку и осторожно коснулась его щеки. Так касаются крыла бабочки, боясь повредить. Его кожа оказалась упругой и прохладной. Не ледяной, как в первую ночь, а просто свежей.

— Видишь? — сказала она. — Не умираю.

Арахней поймал её руку. Сильные пальцы осторожно обхватили тонкое девичье запястье.

— Это ничего не значит, — сказал он глухо.

— Или никакого проклятия нет, — выпалила она храбро.

— Или ты не из Светлицы.

Он выпустил её руку и отодвинулся, отводя взгляд.

— Значит, по-твоему, я тебе не ровня, — сказала Муха обиженно, глядя в сторону.

— Дело не в этом, — ответил он. — Если я сорвусь… если проклятие подействует…

— Так проверь! — воскликнула она, обжигаясь чаем. — Или боишься?

— Боюсь, — признался он. — Но не за себя.

Она замолчала. Допила чай, встала и принялась убирать со стола, чувствуя его взгляд на своих руках. Понесла мыть посуду, пряча лицо.

Её губы дрожали, пытаясь сдержать улыбку. Он боится не за нё, а за себя. И от этого в груди расползалась горячая сладость.

Глава 9. Мёд

(Светлица. Дом Мухи.)

На следующий день она решилась продолжить разговор.

— Что ты имел в виду, когда давеча сказал, что я не из Светлицы?

Арахней сидел у самовара и изучал вышивку на скатерти с любопытством этнографа. Услышав её вопрос, он усмехнулся.

— Судя по твоей одёжке, ты не муха, а сирфида*. Проклятие убивает только простую девушку Светлицы. Значит, ты не простая. Или не местная.

Муха помолчала, переваривая.

— Хочешь сказать, я полукровка?

— Возможно. Или... — Он запнулся.

— Или?

— Или твои чувства настолько сильны, что преодолевают магию пауков, — Арахней не смотрел на неё. Его взгляд был прикован к узору на скатерти. — Говорят, в древности любовь могла разрушить любое заклятие.

— Ты веришь в это?

— Я хочу верить.

Он поднял глаза. И Муха увидела в них не пустоту, а тоску. Трёхсотлетнюю тоску по прикосновению, которое не убивает.

— Тогда будем верить вместе, — предложила она.

Бадейка с мёдом опустела, и Муха достала из погреба запасной бочонок. Мёд там был тёмным и немного засахарился.

— Попробуй, — она поскребла ложкой и протянула Арахнею. — Гречиха.

Он взял ложку, поднёс к губам и закрыл глаза.

— Ароматно, — сказал он медленно.

Он поел ещё мёда. Потом кусок калача. Потом кренделёк, посыпанный маком. Муха с улыбкой наблюдала, как бледные щёки паука постепенно наливаются румянцем.

— Я отдам долг, — сказал Арахней, с аппетитом жуя. — Когда вернусь в замок, пришлю тебе самый лучший шёлк.

— Мне не нужен шёлк. Мне нужно, чтобы ты...

Она не договорила. Потому что хотела сказать: «остался». Но это было бы слишком.

— ...выздоравливал, — закончила она.

Арахней посмотрел на неё и улыбнулся. По-настоящему, не криво, не болезненно, а тепло.

Муха покраснела и уткнулась в чашку.

Когда кипяток закончился, Муха вынесла самовар во двор, налила воды и засыпала новую порцию шишек. Потянуло дымком с ароматом хвои. Самовар закипел. Арахней вышел во двор:

— Давай помогу.

Не дожидаясь согласия Мухи, он внёс самовар в избу. Поставил на стол и задумчиво поглядел на блестящую поверхность.

— Это не просто посуда, — сказал он.

— Что?

— Твой самовар. Он из Межени, — Арахней приглашающе кивнул. — Посмотри в отражение. Не на себя, за себя.

Муха встала перед самоваром. Заглянула в медный бок, где её лицо расплывалось рыжим пятном, а глаза казались двумя угольками.

Сначала она видела только себя.

Потом печь. Потом тень.

Кто-то стоял у неё за спиной. Высокий, широкоплечий, он смотрел прямо на Муху. Не в отражение, а сквозь пространство, будто знал, где она, и ждал.

— Жук? — Муха резко обернулась.

Никого.

Только Арахней стоял у окна, затворяя ставни.

— Видела Жука? — спросил он, не глядя.

— Да. Но его здесь нет.

— Самовар показывает не то, что есть. Он показывает то, что скрыто. Тайные мысли. Страхи. Желания. — Арахней подошёл ближе. — Ты боишься Жука?

— Нет. Я... я боюсь, что он что-нибудь сделает с тобой.

— Или боишься, что тебе придётся выбирать.

Муха промолчала.

Она старалась не думать о Жуке. О его ревности, о его сломанной руке, которую она вылечила нитью Межени. Она не хотела выбирать. Она хотела, чтобы всё оставалось как есть.

Спустилась ночь. Муха зажгла свечу, и в комнате стало совсем уютно. Они сидели у самовара, пока он не остыл. Пили чай в полной тишине, чувствуя каждое движение, каждый вздох друг друга.

Муха то и дело ловила на себе взгляд паука. Её кожа теплела там, куда он смотрел — на шею, на ключицы, на руки. Казалось, он видит её насквозь, и от этого становилось тревожно и сладко.

Когда самовар в очередной раз опустел, Муха встала.

— Поздно, — сказала она Арахнею. — Тебе нужно отдыхать.

— Мне не нужно. Я паук.

— А мне нужно. Я муха.

Она достала из сундука свёрнутую овчину и принялась старательно раскладывать её на лежанке.

— Будет лучше, если ты... станешь спать на печи. Так мне будет... спокойнее.

Арахней не возражал. Он просто сидел и наблюдал за тем, как она готовит для него постель. Но в его молчании было что-то большее, чем просто согласие. Его взгляд был полон желания, которое он пытался скрыть, но не мог.

Муха чувствовала этот взгляд спиной, затылком, каждой клеткой. Ей казалось, что он раздевает её, не прикасаясь, и от этого движения её становились неуклюжими.

— Вот, — выдохнула она, слезая с печи. — Там мягко. И никто тебя не найдёт. А теперь пора спать.

Она решительно задула свечу. Комната немедленно погрузилась во мрак.

— Муха, — сказал Арахней, медленно поднимаясь.

— Что?

Он подошёл к ней, лавируя между табуреткой и столом.

— Я хочу тебя, — признался он тихо. — Так, как никого не хотел целых триста лет. Но я боюсь, что это убьёт тебя.

Её сердце пустилось вскачь. Хорошо, что в темноте не было видно, как она улыбается.

— А пускай, — вырвалось у неё отчаянное. — Даже если и убьёт.

Арахней протянул руку и тут же опустил, словно боясь обжечься.

— Не сейчас, — выдохнул он, отстраняясь. — Я не готов.

— А я готова.

Она взяла его холодную ладонь и прижала к своей щеке. Кожа горела. Его пальцы дрожали.

— Завтра, — сказал он. — Дай мне ещё один день.

Муха глубоко вздохнула.

— Хорошо, — ответила она. — Завтра.

Она задвинула заслонку и полезла на полати.

В избе стало совсем темно. Он молчал, но она чувствовала, что он не спит — так же, как и она. И за этим молчанием стояло то, о чём они оба боялись сказать вслух.

_____

**Сирфида - журчалка, особая группа мух.*

Глава 10. Гроза

(Светлица. Дом Мухи. Ночь)

Гроза пришла внезапно.

Ещё за час до полуночи небо было чистым. Муха лежала на полатях, закутавшись в шаль, и слушала, как Арахней дышит на печи. Ровно, почти неслышно. Выздоровел. Её раненый наконец выздоровел. Успокоившись, она уже стала засыпать, когда за окном полыхнуло.

Белый свет залил комнату на одно безумное мгновение и погас. А через три удара сердца громыхнуло так, что задребезжали стёкла.

М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.